E 66/539
1895

А. Ф. Нарцизова.

ПОѢЗДКА ВЪ СУРУ

И ВОЗВРАЩЕНІЕ ОТТУДА

СЪ ОТЦЕМЪ ІОАННОМЪ

КРОНШТАДТСКИМЪ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
1895.

ПОѢЗДКА ВЪ СУРУ

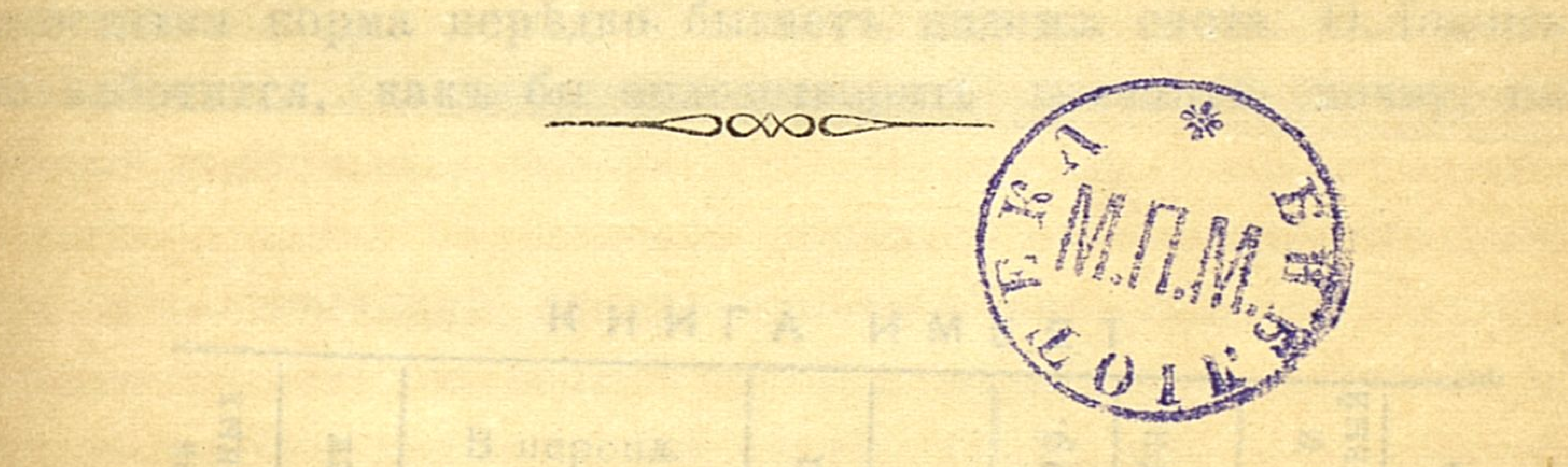
И ВОЗВРАЩЕНІЕ ОТТУДА

съ Отцемъ Іоанномъ

КРОНШТАДТСКИМЪ.

СОСТАВИЛА

Александра Нарцизова.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1895.

От С.-Петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета печатать дозволяетс
С.-Петербургъ 25 Апрѣля 1895 года. Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

Поѣздка въ Суру

и возвращеніе оттуда

съ Отцемъ Іоанномъ

Кронштадтскимъ.

Не думала я, что мнѣ Господь приведетъ и въ нынѣшнемъ 1894-мъ году увидѣть благословенную Суру! Въ бытность нашу въ прошломъ году въ Сурѣ меня очень безпокоило и интересовало, какъ О. Іоаннъ былъ озабоченъ (какъ мнѣ тогда говорили) относительно обсѣмененія луговъ. Всякій знаетъ, кто бывалъ на сѣверѣ, какъ онъ бѣденъ растительностью: кромѣ дремучихъ лѣсовъ изъ сосны и елей, да всевозможныхъ видовъ мха, ничего почти нѣтъ,—и я нигдѣ въ Россіи не видывала такой жалкой и рѣдкой травы, какая растетъ въ Пинежскомъ уѣздѣ. И тамъ говорятъ, что отъ недостатка корма нерѣдко бываетъ падежъ скота. О. Іоаннъ все заботится, какъ бы оплодотворить песчаную почву, на которой такъ плохо все растетъ. Въ сентябрѣ прошлаго года мнѣ случайно въ газетахъ попалась статья о новомъ кормовомъ растеніи для скота, которое, какъ гласила газета, отлично растетъ на всякой почвѣ и во всякомъ климатѣ. Я обрадовалась и показала эту статью О. Іоанну. Онъ вполнѣ одобрилъ ее, и эту-то траву онъ благословилъ мнѣ свезти въ Суру на пробу, и если она дѣйствительно полезна, развести ее и въ другихъ мѣстахъ. Богъ помогъ мнѣ найдти въ Петербургѣ эти корни, и, получивъ 26-го апрѣля изъ Вологды телеграмму, что первый пароходъ въ Пинегу пойдетъ 3-го мая, я съ благословеніемъ О. Іоанна полетѣла въ дальнюю дорогу, везя съ собой и корни. Правду сказать,

жутко было мнѣ ѣхать одной, потому что нѣсколько разъ приходилось пересаживаться на пароходахъ, а въ Архангельскѣ и Пинегѣ по нѣскольку дней ждать ихъ. Но Богъ, видимо, благословилъ мнѣ эту дорогу: въ Вологдѣ, Архангельскѣ, Пинегѣ и въ другихъ мѣстахъ добрые знакомые, узнавъ, съ какой я цѣлью ѣду, всячески содѣйствовали моему путешествію, а въ Усть-Пинегѣ на пароходѣ Володиныхъ предложили даже безплатный проѣздъ въ I-мъ классѣ до Веркольскаго монастыря (4 сутокъ). Наконецъ, 16-го мая я добралась до дорогой мнѣ Суры и здѣсь была радушно встрѣчена старыми пріятелями и сурянами. Не могу выразить словами, что я чувствовала, опять увидя самый дорогой для меня уголокъ на землѣ: дорого мнѣ было дышать тѣмъ воздухомъ, ходить по той землѣ и видѣть тѣ мѣста, гдѣ родился и провелъ дѣтство нашъ великій молитвенникъ предъ Богомъ.

Съ первыхъ минутъ пріѣзда я ушла въ самые разнообразныя хлопоты. Сейчасъ же посадили корни, которые къ пріѣзду О. Іоанна (черезъ 2 недѣли) успѣли отрости. Стали совѣщаться съ священникомъ и учительницей, какъ-бы лучше и торжественнѣе встрѣтить дорогого Батюшку, съ которымъ, какъ носились слухи, можетъ быть, пріѣдетъ и Архангельскій Владыка Никаноръ. Убирались въ церкви, приводили въ порядокъ ризницу; въ школѣ,—въ этомъ любимомъ дѣтищѣ О. Іоанна и составляющемъ главную его заботу,—приготовлялись къ экзаменамъ. Надо отдать полную справедливость и искреннюю признательность священнику съ діакономъ и учительницѣ съ учителемъ за ихъ безукоризненно добросовѣстное отношеніе къ своему долгу, а равно и питомцамъ школы: съ 1-го октября минувшаго 1893-го года началось ученье, и дѣти, поступившія въ школу совершенными дикарями, едва умѣвшія говорить, теперь, къ концу мая 1894-го года, отлично читали, знали много молитвъ, учили законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметику, а писали такъ правильно и красиво по русски и славянски, что я, по со-

вѣсти признаюсь, и во 2-мъ классѣ гимназіи не видывала у учащихся такого правильнаго и красиваго почерка. Всѣ мальчики и дѣвочки хорошо шьютъ и вяжутъ, и сами себѣ сшили рубашки; всѣ учащіеся въ школѣ, 60 человѣкъ, говорятъ, прекрасно поютъ по нотамъ. И не вѣрилось, что все это было достигнуто въ 8 мѣсяцевъ ученія; видно, что и учащіе, и учащіеся положили въ ученье всю душу,—и дай Богъ, чтобъ эта школа на родинѣ О. Іоанна, въ самомъ глухомъ и отдаленномъ уголкѣ Россіи, такъ же, какъ и самъ основатель ея, была образцемъ для всей Россіи.... Вездѣ въ Сурѣ шла кипучая работа; всѣ точно къ свѣтлому празднику готовились.... Въ свободное время я каждый почти день ходила гулять въ два самыя завѣтныя для меня мѣста: на мѣсто рожденія О. Іоанна и на Поклонную гору. Первое—на противоположномъ отъ храмовъ концѣ села, совсѣмъ въ полѣ, вблизи чуть живой старинной деревянной часовни, среди сыпучаго песка; еще въ прошломъ году были видны только обломки (ихъ я тщательно собрала тогда и храню, какъ вещественныхъ свидѣтелей рожденія О. Іоанна) полусгнившихъ бревенъ отъ той избушки, въ которой въ благодатную ночь на 19-е октября 1829 года родился дивный избранникъ Божій.... Боже мой! какими думами у меня тогда на этомъ мѣстѣ бывала переполнена голова и сердце: вотъ тутъ, почти среди поля, въ полуразвалившейся избушкѣ, засвѣтилась современная намъ звѣзда земли русской и съ годами все выше и выше, ярче и ярче стала подниматься и свѣтить, и теперь далеко за предѣлами Руси ее видно,—и всѣмъ она свѣтитъ живой крѣпкой вѣрой въ Бога, и всѣхъ она грѣетъ искренней горячей любовью къ людямъ.... Вотъ больной, приговоренный докторами къ смерти; горькій ли пьяница, или распутный, но желающій исправиться; супруги ли, измученные семейными разладами; неудачникъ-ли въ жизни, или невинно—опороченный и приведенный въ отчаяніе и тѣмъ подобные несчастные,—къ кому имъ обратиться? Кто ихъ поддержитъ и утѣшитъ? И они, слыша

о тепломъ молитвенникѣ О. Іоаннѣ, стремятся къ нему какъ ближайшей звѣздѣ спасенія ихъ.... И онъ всѣхъ ихъ съ любовью принимаетъ, о всѣхъ горячо молится, и по вѣрѣ ихъ Господь многимъ изъ нихъ даетъ просимое. Искренно признаюсь, меня не такъ удивляютъ многочисленныя исцѣленія, бываемыя по молитвѣ О. Іоанна (и искусный докторъ можетъ вылѣчить больнаго), какъ поражаетъ тотъ благодатный нравственный подъемъ духа, совершающійся при содѣйствіи молитвы О. Іоанна надъ несчастными, заживо умершими душей (всякій испытавшій знаетъ, что нравственная болѣзнь гораздо опаснѣе тѣлесной). Сколько приходится слышать и видѣть намъ примѣровъ, какъ совсѣмъ нравственно погибшіе люди, попавшіе на общую исповѣдь и слышавшіе горячую, проникающую въ душу каждаго, боговдохновенную рѣчь О. Іоанна, или имѣвшіе счастіе бесѣдовать съ нимъ, какъ-бы отрезвляясь, приходили въ себя, бросали прежній образъ жизни и дѣлались добрыми семьянинами, честными и полезными тружениками. Удивительно-ли послѣ этого, что съ каждымъ годомъ народная масса все растетъ и плотнѣе окружаетъ О. Іоанна! Его всѣхъ объемлющая любовь, какъ лучи солнца, всѣхъ грѣетъ и всѣхъ привлекаетъ къ себѣ.... И на этомъ-то съ виду убогомъ мѣстѣ, гдѣ явился на свѣтъ этотъ великій свѣтильникъ Божій, мнѣ Богъ приводилъ цѣлые часы проводить въ глубокихъ думахъ. И невольно иногда и тѣломъ, и душей поклонишься на этомъ мѣстѣ и крѣпко прильнешь головой къ камню... Теперь тутъ строятъ каменную часовню, и уже выведенъ фундаментъ.

Другое мѣсто для моихъ думъ была гора Поклонная, любимое мѣсто прогулокъ О. Іоанна, въ двухъ верстахъ отъ Суры, за рѣчкой Сурой. Пройдя лугъ, потомъ, по краю лѣса въ гору, маленькую деревеньку, мѣстность все выше и выше поднимается въ гору, покрытую лѣсомъ. Отклоняясь по горѣ немного влѣво, очутишься прямо у обрыва горы и невольно перекрестишься: вся Сура съ своими храмами сразу открывается передъ глазами. Лѣсъ тутъ нѣсколько рѣ-

дѣетъ и идетъ подъ гору; прямо внизу рѣчка „Сура" вьется среди луга широкой лентой; влѣво рѣка „Пинега"; прямо село Сура, а дальше и въ ширь тянутся лѣсъ и холмы, насколько только можетъ охватить глазъ.

О. Іоаннъ, говорятъ, въ свободное время любитъ цѣлые часы проводить тутъ въ молитвѣ. Дѣйствительно, глядя на окружающую живописную природу, среди зелени которой возвышается бѣлый чудный храмъ Божій, невольно приходишь въ молитвенное и благодарное настроеніе къ Творцу всего видимаго чуднаго творенія—Богу. Въ подобныхъ прогулкахъ и хлопотахъ я и не замѣтила, какъ двѣ недѣли прожила въ Сурѣ, у своей дорогой подруги, учительницы школы, А. А. Сосиной, съ которой большею частію и дѣлила свои прогулки.

21-го мая, въ субботу, было получено разрѣшеніе, за ветхостью разобравъ старую деревянную церковь теплую, во имя Св. Николая Чудотворца, перенести на кладбище, и тамъ вновь поставить ее. Въ этотъ-же день была совершена въ ней всенощная, а 22-го мая—литургія. Еще въ первый разъ я была въ этомъ убогомъ, бревенчатомъ, закоптѣломъ храмѣ на Богослуженіи, и благоговѣйное умиленіе охватило мою душу: живо я себѣ представила, какъ въ былое время въ эту низенькую дверь храма съ высокимъ порогомъ, черезъ который, вѣроятно, еще перелѣзалъ *маленькій* тогда, но въ настоящее время *великій*—Іоаннъ, какъ онъ, стоя такимъ же, можетъ быть, босоногимъ, какъ и всѣ его сверстники, съ благоговѣніемъ и вниманіемъ слушалъ, что поютъ и читаютъ на клиросѣ; и какъ благотворно дѣйствовали на его чуткую впечатлительную дѣтскую душу всѣ наши дивныя церковныя пѣснопѣнія; на какую благодатную почву они пали и какой богатый и обильный плодъ принесли! Невольно пожелалось, чтобы и наши современныя дѣти учились стоять въ церкви съ благоговѣніемъ и вниманіемъ, беря въ ней уроки благочестивой жизни.

23-го мая, утромъ, духовенство и вся школа отправи-

лись въ названную церковь. Священникъ съ діакономъ въ полномъ облаченіи, раздавъ намъ иконы, какія находились въ церкви, послѣдній разъ помолившись передъ Св. престоломъ, поднявъ Св. антиминсъ и мощи на дискосѣ на голову, при пѣніи сначала тропаря: *„правило вѣры и образъ кротости“...*, а потомъ пасхальныхъ стихиръ, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, съ крестнымъ ходомъ направились въ старый холодный храмъ, въ которомъ положивъ Св. антиминсъ и иконы, вернулись обратно, сняли Св. престолъ (столбы котораго глубоко были вдѣланы въ полъ, такъ что пришлось вырубать полъ, дабы вынуть ихъ въ цѣлости), оставшіяся иконы и царскія двери и тѣмъ-же порядкомъ перенесли туда-же. Сейчасъ начали ломать изящный старинный чешуйчатый пятиглавый куполъ, причемъ громадныя глыбы чешуи, на подобіе лодокъ, говорятъ, со свистомъ слетѣли по блоку на землю; но кресты съ главъ сохранили въ цѣлости (что вполнѣ удалось, благодаря благоразумной распорядительности священника). Крестъ на главной главѣ обвязали веревкой и осторожно потянули блокъ: крестъ двинулся съ мѣста.... Въ эту минуту раздался пасхальный колокольный звонъ. Крестъ тихо, торжественно сталъ опускаться въ вертикальномъ положеніи и прямо всталъ на землю. Невозможно было видѣть безъ слезъ это зрѣлище: высоко сверху, точно съ неба, спускался на наши головы крестъ животворящій простой, деревянный, отъ времени весь потемнѣвшій и покрытый бѣлымъ мхомъ. Также осторожно были сняты и остальные 4 креста. Занумеровавши всѣ бревна, живо стали разбирать всю церковь. Труднѣе всего было разобрать громадную старинную печь, которая занимала чуть не треть церковной трапезы. Въ недѣлю все разобрали, землю выровняли, и на мѣсто, гдѣ помѣщался Св. престолъ, поставили тумбу. 29-го мая получилось извѣстіе, что О. Іоаннъ уже ѣдетъ въ Суру. Всѣ встрепенулись.... Я наняла почтовыхъ лошадей (удивительная порода сѣверныхъ лошадокъ: онѣ съ виду неказисты, лохматыя, на короткихъ

ногахъ; но, почуявъ упряжь, дружно подхватываютъ тарантасъ и ровной рысью вихремъ мчатся, такъ что духъ захватываетъ.... (отлично на нихъ ѣздить!) и маршъ въ Веркольскій монастырь, встрѣчать батюшку. Тамъ мнѣ сказали, что О. Іоаннъ съ Архангельскимъ владыкой пріѣдутъ вечеромъ 1-го іюня, и что архимандритъ ѣдетъ ихъ встрѣчать въ Карпову гору (въ 40 верстахъ отъ монастыря).

1-го іюня, часа въ два, я случайно вышла на берегъ. Вдругъ показался пароходъ, все ближе и ближе подходитъ къ пристани: смотрю, на рубкѣ стоятъ Архіерей и О. Іоаннъ. Архимандритъ сошелъ на пристань, а пароходъ сталъ отчаливать. Отъ удивленія, что Владыка и О. Іоаннъ не сошли на берегъ (мнѣ говорили, что они будутъ ночевать въ монастырѣ), я руками развела и спрашиваю О. Іоанна: „а мнѣ какъ же быть“? Онъ наклонился ко мнѣ и махнулъ къ себѣ рукой, а матросамъ велѣлъ трапъ спустить. Живо они это сдѣлали, внизу меня архимандритъ поддержалъ, а сверху— матросы подхватили, и я въ одну минуту очутилась подлѣ О. Іоанна: вотъ радость-то мнѣ была! Пароходъ былъ казенный, военный, такъ что кромѣ жены командира съ родственницей, да спутниковъ О. Іоанна пассажировъ никого не было. Послѣ обѣда мы всѣ съ О. Іоанномъ находились на рубкѣ, съ нетерпѣніемъ дожидаясь, когда покажется Сура; наконецъ, въ 9½ часовъ вечера, при послѣднемъ поворотѣ парохода налѣво, Сура сразу открылась передъ нами, и въ тоже время тамъ раздался торжественный звонъ. О. Іоаннъ радостно снялъ шляпу и со словами: *„слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ“* перекрестился Владыка, какъ мнѣ сказали, обратился къ О. Іоанну и сказалъ: „поздравляю Васъ, дорогой батюшка, съ пріѣздомъ на родину“. *„А Васъ, Владыка,—съ прибытіемъ ко мнѣ въ Суру“*, весело отвѣтилъ ему О. Іоаннъ, и оба сердечно обнялись.

Все ближе подходилъ пароходъ. О. Іоаннъ, Владыка да и всѣ, находившіеся на пароходѣ, были пріятно удивлены открывшейся картиной: по случая мелководья мостки шли чуть

не на треть рѣки; на концѣ ихъ была устроена тріумфальная арка, вся убранная красной матеріей, флагами и вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ. На мосткахъ въ порядкѣ стояли питомцы школы: дѣвочки—въ формѣ, мальчики—въ красныхъ ими самими сшитыхъ рубашкахъ. Подъ аркой помѣщался хоръ пѣвчихъ, съ духовенствомъ, учителемъ и учительницей во главѣ, и всѣ стройно пѣли: „*слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*“!... Весь берегъ былъ покрытъ народомъ, иные забрались по колѣни въ воду. Нужно было видѣть, съ какой радостью и удовольствіемъ смотрѣлъ на все это О. Іоаннъ. Эта радость такъ и свѣтилась въ его глазахъ.

Когда пѣніе кончилось, онъ всѣмъ поклонился, сказавъ: „*здравствуйте суряне, сестра и племянники*“! а они отвѣчали ему низкими поклонами, утирая глаза рукавами, и всѣ побѣжали за пролеткой, въ которой онъ съ Владыкой поѣхалъ въ церковь. Туда еще ранѣе духовенство и пѣвчіе проѣхали и встрѣтили ихъ на паперти: духовенство въ полномъ облаченіи со Св. Крестомъ и Св. водой, а пѣвчіе—пѣніемъ: *Вознесся еси во славѣ Христе Боже нашъ*“! Архіерей съ О. Іоанномъ вошли въ храмъ и видимо залюбовались имъ, да и было чѣмъ: вся церковь была устлана великолѣпными коврами (главный изъ нихъ вышитъ по канвѣ нами, ярославскими женщинами), всѣ царскія двери трехъ алтарей были открыты, и весь храмъ былъ залитъ огнями и лучами заходящаго солнца, отъ котораго богато вызолоченный иконостасъ ослѣпительно горѣлъ и казался какимъ-то неземнымъ чертогомъ. Невольно, идя за О. Іоанномъ, приходили на мысль чудныя слова молитвы: „*Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ*“...

Послѣ вечерни Владыка произнесъ горячую, но простую рѣчь сурянамъ, какъ мнѣ передали, указавъ на О. Іоанна, что Господь изъ среды ихъ воздвигъ имъ такого чуднаго покровителя и благодѣтеля, и доказалъ, какъ необходимо учить дѣтей страху Божію и благочестію. Кончивъ рѣчь, Владыка сталъ всѣхъ благословлять. Потомъ онъ съ О. Іоанномъ по-

шелъ планировать новую каменную школу, которую хотятъ поставить между теперешней школой (она далеко не вмѣщаетъ въ себя всѣхъ нуждающихся въ ученьѣ дѣтей) и церковью. Все это мѣсто было загромождено грудами камней, приготовленныхъ для закладки. Распланировавъ мѣсто, О. Іоаннъ обратился къ рабочимъ съ просьбой убрать къ утру съ этого мѣста камни и окопать его, обѣщая щедро наградить ихъ за это. И тутъ-то началась кипучая работа (я всю ночь не спала, любуясь всѣмъ, да въ эту яркую, какъ день, ночь въ Сурѣ, кажется, никто не спалъ). Къ 9-ти часамъ утра 2-го іюня все было готово къ закладкѣ. Послѣ обѣдни, совершенной Архіереемъ съ О. Іоанномъ и другими священниками, крестнымъ ходомъ съ колокольнымъ звономъ всѣ направились на мѣсто закладки. Тамъ былъ совершенъ водосвятный молебенъ, послѣ котораго Архіерей вложилъ въ приготовленное мѣсто жестяную доску съ выбитой на ней надписью: когда, кѣмъ и какое зданіе закладывается. На эту доску тотчасъ посыпались серебряныя монетки, и она закрыта была плитой и задѣлана. На остальныхъ углахъ первые камни закладывали просто Владыка, О. Іоаннъ и другіе, и потомъ тѣмъ-же порядкомъ вернулись въ церковь. Я въ первый разъ въ жизни присутствовала на закладкѣ зданія, и эта церемонія меня очень заинтересовала.

Послѣ чаю всѣ пошли на экзаменъ въ церковно-приходскую школу. Владыка первыхъ началъ экзаменовать дѣвочекъ; но вызванныя имъ дѣвочки, въ первый разъ въ жизни, послѣ сѣрой всегдашней обстановки, увидавъ передъ собой, по ихъ выраженію „набольшихъ“ въ крестахъ и орденахъ, перетрусили и переконфузились (въ Сурѣ я замѣтила, что дѣвочки удивительно застѣнчивы и этимъ рѣзко отличаются отъ мальчиковъ). Но чисто-отеческая ласка О. Іоанна скоро ихъ ободрила, и они отвѣчали толково и вполнѣ удовлетворительно. Мальчики выглядывали и отвѣчали бойко. Архіерей всѣмъ раздавалъ привезенныя имъ своего сочиненія брошюры. Послѣ экзаменовъ общеобразовательныхъ перешли въ рукодѣль-

ный классъ, въ которомъ лежала цѣлая гора бѣлья, сшитаго дѣтьми. Здѣсь двѣ маленькія дѣвочки поднесли Владыкѣ и О. Іоанну ими самими вязанныя салфетки. Кончились экзамены пѣвческимъ классомъ, образованнымъ стараніемъ новаго священника—О. Ф. Цвѣткова. Въ Сурѣ съ осени прошлаго года составился небольшой, но, говорятъ, прекрасный хоръ, впрочемъ теперь уже вся школа отлично поетъ. Послѣ экзаменовъ осматривали старинную холодную церковь. День былъ красный, солнце такъ и жгло чисто по южному. Пока бѣгали отыскивать сторожа съ ключами, О. Іоаннъ съ Владыкой, видимо утомившіеся отъ жары, сѣли на одномъ полѣнѣ, случайно попавшемся тутъ. Дорого было видѣть, какъ два свѣтильника церкви Божіей, проповѣдующіе слово Божіе съ церковной каѳедры, скромно сидѣли на одномъ полѣнцѣ, на крылечкѣ убогаго деревяннаго храма! Наконецъ ключи принесли, и всѣ вошли въ церковь. Все въ ней дышетъ глубокой стариной, хотя ее немного и подновили. Вся напрестольная утварь оловянная, но украшена старинной изящной рѣзной работой; въ ризницѣ особенно замѣчателенъ китайчатый стихарь съ нарисованными на оплечьи цвѣтами и китайцами; ему, говорятъ, около 400 лѣтъ.

О. Іоаннъ показывалъ намъ еще большой образъ Св Прав. Артемія Веркольскаго, древняго письма; да и другихъ немало тамъ старинныхъ вещей. Такъ меня этотъ храмъ заинтересовалъ, что не хотѣлось и выходить изъ него. Послѣ церкви прошли въ часовню надъ могилой родителя О. Іоанна и затѣмъ на могилу дѣда его Какъ тутъ, такъ и тамъ Владыка и О. Іоаннъ при участіи почти всѣхъ присутствующихъ хоромъ пѣли литію и „Вѣчную память“. Наконецъ усталые они вернулись въ приготовленный для нихъ домъ. Батюшка всѣхъ гостей радушно пригласилъ къ себѣ на обѣдъ.

Нужно сказать, что за казеннымъ пароходомъ, на которомъ мы ѣхали, шелъ изъ Архангельска пассажирскій пароходъ, полный богомольцевъ; поэтому не удивительно, что у батюшки набралось гостей полонъ домъ. За обѣдомъ первый

тостъ былъ за Государя; всѣ встали и хоромъ пропѣли „Боже, Царя храни"! Дорого было пить за здоровье искренно всѣми любимаго Государя и гдѣ-же?—на далекомъ сѣверѣ, въ безпросвѣтной глуши, въ гостяхъ у самого О. Іоанна. Во время пѣнія О. Іоаннъ нѣсколько разъ перекрестился, точно молился, чтобы Господь хранилъ своего Помазанника на всѣхъ путяхъ его жизни. Всѣ были радостные, счастливые отъ переживаемыхъ часовъ подъ кровомъ Батюшки; время шло весело и незамѣтно.

Послѣ обѣда Владыка сталъ собираться ѣхать въ Веркольскій монастырь. Еще раньше своей добротой и искренней простотой Владыка всѣхъ насъ расположилъ къ себѣ; и тутъ я, какъ сидѣла за столомъ, въ одномъ платьѣ и накидкѣ пошла его провожать на пароходъ. О. Іоаннъ пожелалъ проводить Владыку до Веркольска, чтобы тотчасъ-же вернуться назадъ, причемъ захватилъ и меня съ собой. Къ ночи пріѣхали въ Веркольскій монастырь и прямо направились въ соборъ, гдѣ соборомъ іеремонаховъ былъ отслуженъ молебенъ, и за позднимъ временемъ всѣ разошлись на отдыхъ

3-го іюня утромъ мы вмѣстѣ съ учительницей изъ Суры пошли было въ соборъ, но узнавъ, что въ келіяхъ у Архіерея идетъ заутреня, направились туда. Вдругъ кто-то приходитъ съ парохода и докладываетъ О. Іоанну. Онъ озабоченно покачалъ головой и что-то сталъ говорить. Я спрашиваю учительницу, что это значитъ? она мнѣ отвѣчаетъ: „сейчасъ донесли Батюшкѣ, что вода въ рѣкѣ совсѣмъ упала: пароходъ не можетъ вернуться назадъ, и Батюшка рѣшилъ послѣ обѣдни немедленно ѣхать въ Архангельскъ". Какъ кипяткомъ обварило меня это извѣстіе.

Когда кончилась заутреня, я и спрашиваю Батюшку: какъ мнѣ быть? „*Поѣдемъ со мной*"! былъ мнѣ отъ него отвѣтъ. Господи! не могу выразить, какъ меня обрадовали эти слова,—точно камень свалился съ души. Я ни на минуту не смутилась, что придется проѣхать почти двѣ тысячи верстъ

въ одномъ платьѣ; у меня одна была мысль: „пусть у меня все пропадетъ, лишь бы не потерять О. Іоанна, который для меня дороже всего земнаго“.

Послѣ обѣдни, которую служилъ Архіерей съ О. Іоанномъ, архимандритомъ и многими іеромонахами, былъ совершенъ торжественный молебенъ св. праведному Артемію, во время котораго О. Іоаннъ, взглядывая на раку, горячо и со слезами молился.... и дѣйствительно, много мнѣ Богъ привелъ на Руси объѣхать и поклониться мощамъ св. угодниковъ Божіихъ, просіявшихъ подвигами и святостію своей жизни, но нигдѣ я такого глубоко-благоговѣйнаго чувства не испытываю, какъ тутъ, при взглядѣ на небольшую раку съ мощами св. отрока Артемія: не отличался онъ особенными подвигами, работалъ въ полѣ и дома съ отцомъ; но святымъ и праведнымъ его сдѣлала постоянная память о Богѣ и страхъ Божій, руководившіе съ младенчества каждымъ его шагомъ, посѣянные въ сердцѣ его родителями, хотя простыми, неучеными земледѣльцами, но глубоко мудрыми своимъ благочестіемъ, и у которыхъ многому могли-бы поучиться нынѣшніе просвѣщенные, образованные родители, дающіе своимъ дѣтямъ блестящее образованіе, но не умѣющіе посѣять въ ихъ душахъ самаго главнаго—*благочестія*, которое, по словамъ св. апостола, *„на все полезно“*. Послѣ молебна Архимандритъ всѣхъ насъ радушно пригласилъ къ обѣду. Гостей и здѣсь было пропасть. Первый тостъ тоже былъ за Государя и опять, какъ у Батюшки въ Сурѣ, всѣ пѣли хоромъ: „Боже, Царя храни“! Потомъ былъ тостъ за Владыку. Когда стали пить за здоровье О. Іоанна, добрый Владыка сказалъ прекрасную рѣчь, видимо вылившуюся прямо изъ сердца, которая всѣхъ до слезъ тронула. О. Іоаннъ горячо его благодарилъ. Тутъ одно обстоятельство всѣхъ удивило и порадовало: когда я подошла къ О. Іоанну съ бокаломъ обыкновенной величины чокнуться, то онъ, доливъ его краснымъ виномъ изъ своего бокала, показалъ, чтобы я всѣхъ имъ напоила; я обошла весь столъ, всѣ изъ него отпили, и

всѣмъ гостямъ, которыхъ было до 50-ти человѣкъ, хватило вина. Наконецъ, былъ тостъ за всѣхъ истинныхъ почитателей О. Іоанна (и я отъ души попросила Бога, чтобы Онъ вложилъ въ сердца людей, его окружающихъ, почитать Батюшку не языкомъ, а душой, беря съ него на дѣлѣ живой примѣръ любви ко всѣмъ, кротости и полнаго безкорыстія). Тутъ принесли изъ ризницы большой старинный ковшъ-братину серебряный, весь украшенный орлами и надписями, который, какъ гласитъ надпись, въ 1692 году пожертвованъ Веркольскому монастырю жителемъ Верколы Никитой Пѣстовымъ *„на поминъ душъ своихъ родителевъ“* и полученный имъ отъ царскаго воеводы. Владыка налилъ въ него краснаго вина, и ковшъ изъ рукъ въ руки обошелъ весь столъ, всѣ изъ него пили и всѣмъ достало. Этотъ обѣдъ также прошелъ очень оживленно, говорили про старину, которой въ Верколѣ много. Потомъ мы съ доброй Е. С. Рыниной (изъ Архангельска) успѣли еще съѣздить за двѣ версты на мѣсто, гдѣ праведный Артемій былъ убитъ молніей; тамъ стоитъ крошечная деревянная церковь, безъ всякихъ украшеній, но для вѣрующихъ это мѣсто особенно дорого.

Въ 4 часа вечера при колокольномъ звонѣ Архіерей и О. Іоаннъ оставили монастырь. Народу набралось множество невѣдомо откуда въ одну ночь и заполонило собой весь монастырь. На пароходѣ мнѣ было отлично: добрый командиръ парахода І. И. Зеленковичъ, съ женой, душей преданные О. Іоанну, тепло и спокойно меня устроили въ каютѣ І-го класса. Въ 11-ть часовъ утра 4-го іюня остановились въ Пинегѣ,—это самый маленькій (но для насъ, почиталей О. Іоанна, и дорогой) городокъ. Въ немъ одна церковь, соборъ бѣлый каменный въ два этажа. Въ нижнемъ помѣщается теплая церковь; въ верхнемъ—холодная,—обѣ очень благолѣпны и безукоризненно чисто содержатся. Владыка и О. Іоаннъ ненадолго ѣздили въ городъ и вскорѣ вернулись. Всѣ пинежане высыпали на берегъ и съ колокольнымъ звономъ проводили дорогихъ гостей. Въ 5 ча-

совъ вечера пріѣхали въ Усть-Пинегу. Тамъ купили восковыхъ свѣчей, съ пассажирскаго парохода перевели архіерейскихъ пѣвчихъ; въ передней части рубки устроили подобіе престола, разставили на немъ образа, какіе только нашлись на пароходѣ; наставили свѣчей и началась всенощная....

Господи, что это была за чудная всенощная, едва ли не единственная во всей моей жизни!

Пароходъ, какъ птица, летѣлъ по могучимъ волнамъ Сѣверной Двины, а съ него неслись чудные прославленія Троицы Святой.... Я разъ спрашиваю: „что поютъ"? и мнѣ отвѣчаютъ: „*Царю небесный, Утѣшителю, Душе истинный, иже вездѣ сый и вся исполняяй*"!.... И, дѣйствительно, вода, небо и виднѣвшіеся по сторонамъ лѣса и горы были наполнены этимъ дивнымъ пѣснопѣніемъ! Казалось, все славило вмѣстѣ съ нами въ Троицѣ Бога единаго!.... Никогда еще, кажется, не производила на меня служба такого благотворнаго впечатлѣнія, какъ эта всенощная среди Двинскихъ волнъ. О. Іоаннъ стоялъ передо мной и, видимо, всѣмъ существомъ своимъ молился, что я инстиктивно чувствовала.

Въ 10-мъ часу кончилась всенощная, и всѣ мы, точно послѣ Свѣтлой заутрени, радостно поздравляли другъ друга, и еще долго всѣ, начиная отъ Владыки до послѣдняго матроса, находились въ какомъ-то торжественномъ настроеніи, и, видимо, были подъ вліяніемъ кончившейся службы. Всѣ точно чувствовали и сознавали, что послѣднія минуты мы находимся въ такомъ близкомъ, тѣсномъ молитвенномъ общеніи съ О. Іоанномъ, и всѣмъ были дороги эти минуты и едва ли у кого изъ насъ онѣ изгладятся изъ памяти. Потомъ въ каютѣ поданъ былъ чай и ужинъ. Всѣ мы дружно, какъ-бы одна родная семья, помѣстились около Владыки и О. Іоанна. Это была по истинѣ, какъ во времена Апостоловъ, „*вечеря любви*". Всѣ были веселы и счастливы. О. Іоаннъ тоже былъ веселъ и разговорчивъ.

Вскорѣ показался и Архангельскъ. Когда въ 1-мъ часу ночи остановились, не смотря на то, что даже и свистка

не было, народу на пристани было много. Для О. Іоанна квартира была приготовлена у пароходовладѣльца Булычева, но по просьбѣ Батюшка переночевалъ у Владыки. Тутъ мнѣ пришлось проститься съ добрымъ Архангельскимъ Архіереемъ, который всю дорогу всѣхъ насъ болѣе и болѣе удивлялъ своими душевными качествами; и, прощаясь, я ему искренно сказала: „право же, Владыка, Вы не только саномъ, но и душой настоящій Архіерей Божій“! И, дѣйствительно, онъ, кажется, съ дерзновеніемъ можетъ сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ своей Архангельской паствѣ: *„подражайте мнѣ, какъ я Христу“*. А въ чемъ подражать? на это архангельцы, а главное духовенство Архангельской епархіи (которое мнѣ о немъ разсказывало и искренно его любитъ) сами отвѣтятъ: „въ сердечной добротѣ, терпѣніи и любви ко всѣмъ“.

5-го іюня, въ день Св. Троицы, въ Архангельскомъ соборѣ былъ храмовой праздникъ. Архіерей, въ сослуженіи О. Іоанна и цѣлаго собора священниковъ, совершилъ торжественное Богослуженіе. Послѣ обѣдни, когда прикладывались ко кресту, Владыка многимъ давалъ цвѣты. Весь этотъ день О. Іоаннъ провелъ въ визитахъ; но ночевать пріѣхалъ къ Булычевымъ. На другой день, 6-го іюня, Батюшка служилъ заутреню въ семинаріи, мы съ нимъ туда пріѣхали рано: на дворѣ никого не было и церковь была еще заперта. Батюшка тамъ оживился, быстро, какъ *свой* человѣкъ, взбѣжалъ по лѣстницѣ, повернулъ направо и позвонилъ у дверей ректора. Пока отпирали церковь, собрались семинаристы, да приводили все въ порядокъ, прошло добрыхъ полчаса. Наконецъ все было готово. О. Іоаннъ съ ректоромъ, радостный вошелъ въ церковь, помолился иконамъ (которымъ, вѣроятно, онъ молился будучи еще семинаристомъ) и весело поздоровался съ учениками. Тѣ ему отвѣтили поклономъ и началась заутреня. Пѣвчіе пѣли на оба клироса. О. Іоаннъ почти все время стоялъ на клиросѣ, читалъ и пѣлъ съ ними. Въ церкви по лѣвую сторону стройными рядами стояли остальные семинаристы; всѣ они и пѣвчіе всю

почти службу не сводили съ него глазъ. Какія мысли роились въ ихъ молодыхъ головахъ? Думаю, что ни одинъ изъ нихъ искренно пожелалъ въ душѣ быть хотя немного похожимъ на своего великаго предшественника; вѣдь одна и таже семинарія, какъ его въ былое время, такъ и ихъ теперь учитъ и воспитываетъ. Дай-то, Господи, молилась я тогда, чтобы эта благословенная семинарія дала намъ еще хотя одного подобнаго свѣтильника Божія. Послѣ заутрени О. Іоаннъ обратился къ семинаристамъ съ рѣчью. Къ сожалѣнію около меня не было никого, кто бы могъ, хотя вкратцѣ, передать мнѣ его слова, а сама я ничего не слышу; но замѣтила, что онъ говорилъ горячо, и съ какимъ вниманіемъ слушали его ученики: всѣ точно замерли, у многихъ были слезы на глазахъ. Послѣ рѣчи всѣ они спѣшили поцѣловать его руку и онъ, благословивъ ихъ всѣхъ, удалился изъ церкви. Позднюю обѣдню О. Іоаннъ служилъ съ Владыкой въ Архангельскомъ монастырѣ. Высокій свѣтлый большой храмъ произвелъ на меня радостное впечатлѣніе. На лѣвомъ клиросѣ пѣли архіерейскіе пѣвчіе, а на правомъ— воспитанницы епархіальнаго училища. Передъ обѣдней Батюшка подошелъ къ нимъ, ласково поздоровался и поговорилъ съ ними; ихъ, почти дѣтскія, розовыя личики такъ и сіяли радостью.

Съ прошлаго года храмъ этотъ все ремонтировался; въ этотъ день было торжественное поднятіе креста на главный куполъ. Послѣ обѣдни Владыка, О. Іоаннъ и многочисленное духовенство вышли изъ церкви и передъ западными дверями Владыкой былъ отслуженъ водосвятный молебенъ. Приготовленный громадный крестъ, весь обвязанный веревками, троекратно былъ окропленъ св. водой и съ колокольнымъ звономъ при пѣніи: „спаси, Господи, люди Твоя“... тихо сталъ подниматься все выше и выше. Вспомнила я тутъ, какъ двѣ недѣли назадъ также тихо, торжественно въ Сурѣ спускался на насъ св. крестъ, и невольно пришли на память слова изъ канона св. кресту: „*крестъ воздвижется*,

и падутъ духовъ воздушныхъ чинове, крестъ снисходитъ, и нечестивые вси ужасаются, яко молнію видяще крестную силу". Въ этотъ день О. Іоаннъ въ 4 часа дня выѣхалъ въ Мати-гору къ своей сестрѣ А. И. Со всѣхъ сторонъ архангельцы слетѣлись проводить своего дорогаго земляка. О. Іоаннъ пріѣхалъ на пароходѣ съ Архіереемъ, и тутъ мы совсѣмъ простились съ добрымъ Владыкой, который оставилъ во мнѣ самое доброе воспоминаніе. Когда отъѣхали отъ пристани, Батюшка съ видимымъ удовольствіемъ перекрестился и полюбовался на только что поднятый сегодня крестъ, который, весь рѣзной и вызолоченный, какъ жаръ блестѣлъ высоко въ воздухѣ подъ яркими лучами солнца, и еще долго онъ, точно звѣзда, провожалъ насъ. Пароходъ опять былъ Макаровыхъ, который такъ дорогъ мнѣ по воспоминаніямъ прошлогодняго на немъ путешествія.

Кромѣ сына и дочери Макарова съ Батюшкой еще поѣхало нѣсколько архангельцевъ до Холмогоръ; всю почти дорогу О. Іоаннъ съ ними бесѣдовалъ, и сколько радости и душевнаго здоровья принесъ имъ своей бесѣдой! Къ полночи, которая была также ярко свѣтла, какъ полдень, мы стали подъѣзжать къ Холмогорамъ, и насъ первые привѣтствовали знаменитые и коренные обитатели этого уѣзда — холмогорскія коровы, которыя, точно желая показаться, преважно выступили къ берегу рѣки. Батюшка весело любовался на эту крупную красивую породу, какой у насъ, внутри Россіи, кажется, рѣдко очень встрѣтить можно. Болѣе 2-хъ часовъ пароходъ въ виду Мати-горы ходилъ взадъ и впередъ, стараясь пристать къ берегу, и все безуспѣшно: чуть не до половины рѣки вода была почти по поясъ. Наконецъ спустили лодку, и мы съ Батюшкой, оставивъ всѣхъ сопутствующихъ на пароходѣ, благополучно подплыли къ берегу, гдѣ О. Іоанна давно ждала лошадь. Въ 3 часа утра добрались до Мати-горы. Нечего и говорить, съ какой сердечной радостью добрая старушка съ мужемъ встрѣтила своего дорогаго великаго „Братца“. Свое радушіе они вы-

ражали такъ незатѣйливо, патріархально и вмѣстѣ искренно что я три дня, проведенные у нихъ, чувствовала себя, как дома, подъ родной кровлей. Въ 6 часовъ утра О. Іоанн поднялся служить заутреню и обѣдню, за которой удостоил меня причаститься Св. Таинъ, за что я отъ всей души бла годарила Бога.

Храмъ въ Мати-горѣ, въ честь Воскресенія Христова очень интересенъ: 10 іюля въ минувшемъ 1894 году ем исполнилось двѣсти (200) лѣтъ. Онъ высокій, свѣтлый; ико ностасъ пятиярусный; иконы въ немъ гораздо древнѣе хра ма и перенесены сюда изъ старой церкви села Шильцева отличаются древностью письма. Особенно замѣчателенъ п живописи мѣстный образъ Божіей Матери „Неопалимой ку пины“. Колокола тоже перенесены изъ той-же церкви; глав ный изъ нихъ въ 50 пудовъ съ греческой надписью, дру гой въ 17 пудовъ—разбитый и отъ старости совсѣмъ почер нѣвшій. Въ прошломъ году О. Іоаннъ взбирался на коло кольню и въ каждый колоколъ ударялъ самъ, пробуя звонъ. Послѣ обѣда, къ которому собралось немало родныхъ О Іоанна, онъ куда-то ѣздилъ и, отдохнувъ, опять уѣхалъ ка таться. Подивилась я, увидавъ дорогаго своего Батюшку на какой-то непонятной для меня двухколесной колымагѣ, въ которой приходится сидѣть держа колѣни почти у груди потому что вмѣсто сидѣнья наложена груда сѣна и подушка и подумала, что бы сказали петербургскіе почитатели, катаю щіе Батюшку въ тысячныхъ каретахъ, увидавши его въ та кой библейской колесницѣ, смахивающей немного, судя по картинамъ, на колесницу Иліи пророка, въ которой онъ взятъ былъ на небо; только та колесница была огненная, а эта самая заурядная, деревянная. Но правду надо сказать: Ба тюшка садился въ этотъ экипажъ замѣтно съ большимъ удо вольствіемъ, чѣмъ въ петербургскую карету. Тамъ онъ на ходится вѣчно подъ конвоемъ цѣлой толпы народа, которая его съ утра до ночи тѣснитъ и жметъ; тутъ же онъ былъ вполнѣ на просторѣ и, видимо, наслаждался этой свободой.

Нигдѣ я его не вижу такимъ веселымъ и спокойнымъ, какъ въ Архангельскихъ палестинахъ: тамъ ему все *свое.*

Накатавшись, онъ еще долго гулялъ около дома; никто его не безпокоилъ. Отправилась и я гулять на погостъ и живо вспомнила нашу прошлогоднюю съ О. Іоанномъ на этомъ мѣстѣ прогулку. Тогда среди могилъ особенное вниманіе его было обращено на плиту, надпись которой гласитъ слѣдующее: „*подъ камнемъ симъ лежитъ прахъ священника, Алексія Поромова*, скончавшагося въ 1826 году іюля 27 числа; священствовалъ въ Мати-горѣ 16 лѣтъ; совершилъ два похода на корабляхъ *изъ Архангельска въ Кронштадтъ;* за 1812 годъ получилъ наперстный крестъ". Теперь, подумала я, Богъ воздвигъ другаго священника, который ежегодно совершаетъ походы *изъ Кронштадта въ Архангельскъ*, и какъ благотворны и благодѣтельны бываютъ эти походы для Архангельской губерніи!

На другой день, 8-го іюня, игуменья Холмогорскаго монастыря, Серафима, прислала за Батюшкой лошадей, и мы отправились туда (пять верстъ отъ М.-горы). О. Іоаннъ служилъ въ монастырѣ во вновь отдѣланномъ храмѣ заутреню и обѣдню. Къ концу обѣдни я вспомнила, что у насъ въ Ярославлѣ сегодня происходитъ свѣтлое празднованіе Ярославской Божіей Матери и память Св. Благовѣрныхъ князей Василія и Константина Ярославскихъ чудотворцевъ, мощи которыхъ покоятся въ соборѣ. О. Іоаннъ точно угадалъ мои мысли, вышелъ изъ алтаря и съ ласковымъ видомъ подалъ мнѣ большую просфору, точно ради праздника подарилъ меня ею. Потомъ старушка игуменья пригласила Батюшку къ себѣ въ келію; у нея онъ обѣдалъ и отдохнулъ. Матушка просила было меня у нее переночевать, говоря, что О. Іоаннъ завтра въ соборѣ будетъ служить; но у меня духу не хватило разстаться съ нимъ, и я слѣдомъ за нимъ укатила въ Мати-Гору. И отлично сдѣлала: всѣ домашніе тамъ уѣхали въ гости, и мы весь вечеръ почти одни просидѣли. Батюшка былъ въ такомъ спокойномъ настроеніи ду-

ха; собралъ около себя маленькихъ ребятокъ, разсадилъ на диванѣ и принялся изъ своихъ рукъ ихъ чаемъ поить, любуясь, съ какимъ они удовольствіемъ пили сладкій чай.

Въ 6 часовъ утра за Батюшкой опять изъ Холмогоръ лошади пріѣхали, на этотъ разъ онъ отправился къ заутренѣ и обѣднѣ въ соборъ. Въ прошлогоднемъ описаніи я говорила, что въ этомъ соборѣ хоронятъ Архангельскихъ Архіереевъ; теперь, по окончаніи литургіи, О. Іоаннъ, въ сослуженіи другихъ священниковъ, торжественно отслужилъ по нимъ панихиду, среди которой онъ самъ обошелъ кругомъ внутри храмъ и всѣ гробницы окадилъ Трогательно было видѣть эту панихиду: О. Іоаннъ съ какимъ то особеннымъ благоговѣйнымъ чувствомъ служилъ, и, казалось, точно его душа вмѣстѣ съ пѣніемъ возносилась къ небу. Я, ничего не слыша, только смотрѣла на его уста и совсѣмъ не чувствовала, что нахожусь на землѣ; точно и мою душу онъ унесъ куда-то выше всего земнаго.....Послѣ обѣдни Батюшка сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, а обѣдать опять пріѣхалъ къ игуменьѣ. Тутъ явились изъ Суры на карбасѣ съ вещами остальные спутники О. Іоанна, и мы, сердечно простившись съ доброй старушкой игуменьей и ея монахинями, въ 3 часа дня отправились на пароходъ. Черезъ нѣсколько часовъ насъ встрѣтилъ пароходъ Булычева „Вычегда“. Когда О. Іоаннъ и мы перебрались на него, сопровождавшіе его на Макаровскомъ пароходѣ архангельцы плакали, разставаясь съ дорогимъ Батюшкой. Много онъ влилъ въ ихъ души утѣшенія и спокойствія въ эти короткіе дни! Тутъ же у Усть-Пинеги простились мы съ рѣкой „Пинегой“, которая, вливаясь своими небесно голубыми струями въ Сѣверную Двину съ лѣвой ея стороны, скромно пробирается около берега, точно боясь помѣшать величественнымъ, но мутнымъ Двинскимъ волнамъ. Булычевъ предоставилъ О. Іоанну весь первый классъ; и тутъ почти шесть дней мы были вмѣстѣ съ О. Іоанномъ. Дороги и незамѣнимы были эти дни! Говорятъ, на землѣ нѣтъ полнаго счастія, но, находясь вблизи О. Іоанна, можно съ увѣ

ренностью сказать: „есть“! Онъ своею близостью, черезъ молитву къ Богу, всѣхъ можетъ приблизить къ Нему и влить въ ихъ души глубокую вѣру въ Господа, надежду на Его милосердіе, и любовь къ Богу и ближнему; а въ этомъ-то, по моему, и заключается истинное счастіе на землѣ!

Всю почти дорогу О. Іоаннъ просматривалъ и приводилъ въ порядокъ свои сочиненія. Я, глядя на солидные томы его произведеній, не утерпѣла и простосердечно разъ ему замѣтила: „и какъ Вы, Батюшка, могли придумать столько книгъ, полныхъ глубокаго назиданія“! На это онъ улыбнулся и также просто отвѣтилъ (какъ мнѣ передали): *„помаленьку, да понемножку,—вотъ и набралось столько“!*

Господи, подумала я, какъ велики, святы и вмѣстѣ трудны обязанности священниковъ. Имъ Самимъ Богомъ дано повелѣніе: *„проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщевай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“*, и они, по мѣрѣ силъ и возможности, отъ лица Церкви, учатъ и просятъ насъ, для нашего-же спасенія, жить по христіански. А мы какъ ихъ слушаемъ? Пока учатъ насъ—слушаемъ, а кончатъ—и изъ головы вонъ, оправдывая себя тѣмъ, что мало ли, дескать, что они (т. е. священники) тамъ говорятъ или пишутъ, всего не передѣлаешь и не переслушаешь; и обращаемся, по выраженію Св. Апостола Петра: *„какъ песъ на блевотину* и *вымытая свинья въ грязь“*, къ своимъ безсердечію, лицемѣрію и другимъ страстямъ и порокамъ. Чего же намъ ждать за наше равнодушіе? На это Самъ Господь въ Св. Евангеліи отвѣчаетъ: *„всякій, знающій волю Божію и не исполняющій ее, битъ будетъ много“*. Избави насъ Богъ отъ этого приговора! Будемъ крѣпче помнить слова Апостола, что *„не слушатели, но исполнители закона будутъ оправданы предъ Богомъ“*.

Пока я такъ раздумывала, О. Іоаннъ весь былъ сосредоточенъ въ своемъ занятіи. Въ полночь приблизились къ Красноборску; тамъ поселяне опять встрѣтили Батюшку пѣніемъ: *„Достойно есть яко во истину“*... О. Іоаннъ слу-

шалъ ихъ съ благоговѣйнымъ видомъ, поклонился имъ и сказалъ: *„благодарю васъ, братія и сестры, за ваше ко мнѣ вниманіе и усердіе“*! Они ему отвѣчали поклонами и проводили стройнымъ пѣніемъ: *„нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко“*. Тутъ повторились опять тѣ чудныя минуты, которыя меня 3 года тому назадъ такъ поразили: заря была яркая, свѣтлая, и вся наружность О. Іоанна (который видимо весь былъ сосредоточенъ въ молитвѣ) была озарена ею. 12-го іюня, въ полдень, стали подъѣзжать къ Устюгу-Великому, и у меня радостно сердце забилось, увидя этотъ чудный древній городъ съ многочисленными храмами старинной изящной архитектуры, которые какъ-то всѣ сгруппированы на набережной, точно кремль Москвы. Тамъ О. Іоанна встрѣтила масса народа, слетѣвшагося, точно птицы, къ пристани, и сейчасъ-же его увезли въ городъ Мы же съ его племянницей, и съ его позволенія, отправились въ церковь, гдѣ подъ спудомъ покоятся мощи Св. Прокопія, Христа ради юродиваго, Устюжскаго чудотворца. Церковь старинная, но ее только что возобновили; высокая, свѣтлая, съ ярко вызолоченнымъ иконостасомъ. Особенно оригинальна сѣнь надъ гробницей. Она вызолоченная, на ней по всѣмъ угламъ сидятъ ангелы въ натуральную величину, свѣсивъ ноги, такъ и ждешь, что они слетятъ на наши головы. Отслуживъ молебенъ и помолившись у св. мощей, мы вышли изъ церкви. Тутъ я невольно обратила вниманіе на сѣрый въ пять пудовъ камень, лежащій на тумбѣ передъ входомъ въ церковь. Онъ, говоритъ преданіе, одинъ изъ тѣхъ камней, которые упали изъ грозовой тучи, которая въ одинъ день, еще при жизни Св. Прокопія, собралась было надъ Устюгомъ, но по его молитвѣ прошла мимо и за 20 верстъ разразилась страшнымъ каменнымъ градомъ, которымъ поломанъ былъ громадный лѣсъ. Съ искреннимъ удовольствіемъ я проѣхалась по улицамъ города Тамъ все такъ и дышетъ дорогой стариной.

Въ 4 часа пріѣхалъ О. Іоаннъ на пароходъ. Устюжане

сердечно проводили его. Къ ночи мы любовались дивной панорамой горъ, такъ называемаго мѣстечка „*Опоки*“. Съ одной стороны рѣки скала поднимается отвѣсно надъ водой саженъ (говорятъ) на 50, верхъ ея покрытъ густымъ лѣсомъ; а съ другой стороны на вершинѣ почти такой-же вышины горы расположено село съ бѣлой красивой церковью. Тутъ горы идутъ то безконечно удаляющимися вглубь грядами, покрытыми лѣсами, то какими-то причудливыми утесами, разрисованными руками природы подъ мраморъ разныхъ колеровъ, точь въ точь какъ раскрашенная картинка „Китайской пагоды“. О. Іоаннъ не могъ налюбоваться на эти дивные виды и сказалъ: „*какъ Господь все прекрасно создалъ! Какой архитекторъ построитъ что либо подобное*“! Дѣйствительно, дивно творчество Божіе! Очень жаль, что многіе русскіе съ пренебреженіемъ относятся къ природѣ на Руси и ѣздятъ любоваться ею заграницу, тогда какъ въ Россіи есть множество мѣстностей чудной, невыразимой красоты. Такіе русскіе, дѣйствительно, по пословицѣ *ѣздятъ за семь верстъ киселя ѣсть*, когда этотъ *кисель* дома у насъ гораздо лучше и вкуснѣй заграничнаго, чему доказательствомъ можетъ служить хоть дорога отъ Вологды до Суры. Въ Устюгѣ на пароходъ поступило много новыхъ пассажировъ; многіе изъ нихъ, видимо, ѣхали только для того, чтобы имѣть возможность поговорить съ О. Іоанномъ, и онъ со всѣми, обращающимися къ нему, внимательно и подолгу говорилъ. Немало ѣхало бѣдняковъ; онъ ихъ всю дорогу кормилъ и деньгами одѣлилъ; надъ больными молился, и съ какой любовью и заботливостью онъ все это дѣлалъ,—точно они всѣ были его родные. Особенно одна „порченная“ всѣхъ тронула: ее привели на пароходъ и положили на палубу; но едва О. Іоаннъ прошелъ мимо нея, ее начало сильно ломать и она стала страшно кричать. О. Іоаннъ, выйдя изъ каюты, сильно охватилъ ее руками. Она еще сильнѣй начала биться и кричать: „боюсь, боюсь“! „*Не ты боишься, а бѣсъ въ тебѣ боится*, говорилъ О. Іоаннъ *Кто*

испортилъ тебя"? Женщина стала выкликать имя. „*Тебя Господь исцѣлитъ, а ее накажетъ*", сказалъ Батюшка и, взявъ обѣими руками ея голову, началъ безъ словъ, но горячо молиться, поднявъ глаза къ небу. По мѣрѣ его молитвы женщина дѣлалась все тише и только изрѣдка судорожно цѣплялась за него руками. По окончаніи молитвы О. Іоаннъ, какъ мнѣ передавали, какимъ то особенно сильнымъ, полновластнымъ тономъ произнесъ: „*О, выходи духъ злобы! Именемъ Господа приказываю тебѣ, выходи*"!..

Женщина, какъ мертвая, упала на полъ.... а О. Іоаннъ ушелъ на рубку и сталъ читать Евангеліе. Эта, душу потрясающая, сцена произвела на пассажировъ сильное впечатлѣніе; многіе плакали... Въ эту минуту мое вниманіе было отвлечено другой больной; но на слѣдующій день и дальше я видѣла ту женщину, хотя слабой, но здоровой и спокойной.

13-го іюня къ вечеру остановились въ Тотьмѣ; Батюшка только на полчаса выходилъ на пристань. Опять пріѣхалъ на пароходъ повидаться съ О. Іоанномъ маститый старецъ, Преосвященный Наѳанаилъ, бывшій, говорятъ, два раза епископомъ Архангельскимъ. Но на пароходѣ и на пристани произошла такая давка въ народѣ, горячо желавшемъ если не получить благословенія, то хотя взглянуть на О. Іоанна, что Владыкѣ и пяти минутъ не удалось поговорить съ Батюшкой.

14-е іюня было послѣднимъ днемъ нашего путешествія на пароходѣ. Каждый ударъ пароходныхъ колесъ объ воду (которыхъ я хотя ушами не слышу, но ясно чувствую тѣломъ) больно отзывался у меня въ сердцѣ, потому что приближалъ меня къ минутѣ разлуки съ О. Іоанномъ, что и высказала ему. Батюшка взялъ карандашъ и написалъ мнѣ: „*въ вѣрѣ въ Господа, въ молитвѣ, въ богослуженіи, въ добродѣтельной жизни все благо наше*". Въ 9-ть часовъ вечера пріѣхали въ Вологду. Здѣсь О. Іоанна встрѣтила несмѣтная масса народа. Кажется вся Вологда была на лицо.

Батюшка съ рубки со всѣми здоровался, махая шляпой. На пароходъ явился губернаторъ и городской голова, которые сейчасъ-же увезли его въ городъ. Всѣ спутники Батюшки разбѣжались къ знакомымъ въ гости. У меня тоже хотя и есть тамъ хорошіе знакомые, но мнѣ съ горя, что лишилась своего солнышка, и на свѣтъ-то бѣлый глядѣть было больно,—уткнулась въ уголокъ, гдѣ раньше помѣщался О. Іоаннъ, и всю ночь проплакала. 15-го іюня, утромъ, перебрались на вокзалъ. Для О. Іоанна были отдѣльные два вагона и мы до его пріѣзда все тамъ устроили. Въ 12 часовъ О. Іоаннъ пріѣхалъ среди моря головъ, и вскорѣ поѣздъ тронулся. Долго добрые, сердечные вологжане слѣдили за тихо удаляющимся поѣздомъ, въ окнѣ вагона котораго они видѣли благословляющаго ихъ О. Іоанна. На всѣхъ станціяхъ стояли толпы народа; но Батюшка первое время отдыхалъ, а потомъ при остановкахъ всѣхъ благословлялъ изъ окна вагона. Особенно меня заинтересовала сцена на одной станціи: два мальчика лѣтъ 7-ми или 8-ми, босоногіе, оборванные, не могли пробраться къ окну О Іоанна, отбѣжали подальше и, вскарабкавшись на какія то доски, стали по очереди поднимать въ охапкѣ другъ друга. До слезъ меня тронуло, съ какимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ смотрѣли ихъ черномазыя рожицы на завѣтное для нихъ окно: видно, что ихъ дѣтскія сердечки чувствовали, что они видятъ *его*, дорогаго для всѣхъ О. Іоанна, о которомъ они, видимо, уже наслышались. Подъѣзжая къ Данилову, Батюшка простился съ нами, и, видя мое горе, сказалъ: „*у Господа много милости, Онъ утѣшитъ Тебя*“! Это было послѣднее его ко мнѣ слово: вскорѣ поѣздъ остановился. Въ Даниловѣ онъ, вышедъ изъ вагона среди массы народа, уѣхалъ куда-то на лошадяхъ, а я вернулась въ Ярославль.

18-го іюня въ нашемъ Ярославскомъ епархіальномъ Іоаѳановскомъ училищѣ былъ годичный актъ. Нашъ Владыка еще раньше пригласилъ на это торжество О. Іоанна. Въ 9 часовъ утра въ училищѣ разнеслась радостная вѣсть: О.

Іоаннъ пріѣхалъ! И дѣйствительно, съ другаго конца двора, такъ какъ парадное крыльцо осаждала толпа народа, явился О. Іоаннъ и вошелъ въ квартиру законоучителя, священника О. М. Т. (Онъ пріѣхалъ съ Толги на пароходѣ, а толпы народа и карета ждали его на вокзалѣ за Волгой). Чрезъ нѣсколько минутъ, вышедъ оттуда, прошелъ въ домовую церковь училища. Увидя его, всѣ воспитанницы радостно встрѣтили его словами (искреннее спасибо доброй начальницѣ, М. А. Станиславовой: я хотя все время была подлѣ О. Іоанна, но по своей глухотѣ ничего не слыхала; она очень любезно мнѣ потомъ записала всѣ слова О. Іоанна которыми имѣю возможность подѣлиться съ читателями): „Здравствуйте Батюшка! благодаримъ Васъ за посѣщеніе"! *Здравствуйте милыя барышни! радъ васъ видѣть"!* услыхали они въ отвѣтъ отъ него на свое сердечное привѣтствіе; *вы разсадникъ цвѣтовъ духовныхъ,—живые цвѣты вертограда Христова,* лаская ихъ говорилъ О. Іоаннъ *„вотъ у васъ сегодня, милыя барышни, праздникъ, торжество, и я прибылъ сюда, чтобы раздѣлить его съ вами, пойдемте, помолимтесь вмѣстѣ Господу".*

Всѣ ученицы безъ исключенія плакали отъ радости, получая благословеніе отъ него. *„А вотъ и храмъ Господенъ"!* какъ-то торжественно произнесъ онъ. Дѣйствительно, эта церковь во имя Покрова Божіей Матери поражаетъ своей красотой: высокая, свѣтлая; иконостасъ изъ американскаго кедра изящной рѣзьбы; всѣ иконы живописныя. Тутъ присутствующіе въ церквѣ бросились къ нему, и онъ благословляя ихъ прошелъ на амвонъ и, приложившись къ иконамъ, ушелъ въ алтарь. Всѣ кончившія курсъ воспитанницы, уже въ свѣтлыхъ неформенныхъ платьяхъ, стали на правомъ клиросѣ. Вдругъ изъ южныхъ дверей вышелъ къ нимъ на клиросъ О. Іоаннъ.—*„Вы будете пѣть"?* ласково спросилъ онъ ихъ. „Мы, Батюшка", отвѣтили онѣ. *„Вотъ вы уподобляетесь теперь ангеламъ, служащимъ у престола Всевышняго"*, сказалъ онъ, благословляя ихъ. До

слезъ меня тронуло, съ какой сердечной радостью ловили воспитанницы благословляющую ихъ руку. Рѣшительно и всѣ плакали. Вскорѣ пріѣхалъ Преосвященный Іонаѳанъ. Его встрѣтили пѣніемъ: „*Достойно есть*“... и началась литургія. Какъ то особенно торжественно шла эта служба. Вмѣстѣ съ Владыкой и Отцомъ Іоанномъ служили архимандритъ и цѣлый соборъ священниковъ. Послѣ обѣдни и молебна всѣ направились въ актовый залъ, гдѣ по пропѣтіи „*Царю небесный*“... воспитанницы исполнили чудный гимнъ святымъ Кириллу и Меѳодію: „*Славяне, пѣснію высокой почтимъ Апостоловъ-славянъ*“,... а затѣмъ начался и самый актъ чтеніемъ отчетовъ. На столѣ, за которымъ сидѣли основатель училища Высокопреосвященный Іонаѳанъ, О. Іоаннъ и Губернаторъ, были разложены Евангелія, аттестаты и иконы, заранѣе выписанныя Владыкой изъ Троицко-Сергіевой Лавры. Послѣ чтенія Владыка всталъ и, обращаясь къ воспитанницамъ, сказалъ: „Ну, возлюбленныя питомицы, вы вступаете теперь въ новую жизнь, руководствуйтесь-же примѣромъ той святой, имя которой каждая изъ васъ носитъ“! и сталъ по очереди благословлять ихъ, и каждая получила изъ его рукъ икону Ангела своего имени. Тронула меня заботливая любовь добраго нашего Владыки къ своимъ питомицамъ: иконы небольшія, но прекрасной работы, всѣ въ серебряно-вызолоченной ризѣ. Вмѣстѣ съ Архіереемъ О. Іоаннъ раздавалъ Евангелія въ отличномъ переплетѣ, а Губернаторъ—аттестаты. Когда все было роздано, воспитанницы пропѣли актовую пѣснь: „*Свѣтлой радостью горя, день торжественный встрѣчайте*“!... и актъ закончился гимномъ „Боже, Царя храни!“.... Владыка съ гостями направился въ комнаты начальницы, гдѣ имъ былъ предложенъ чай и завтракъ. Послѣ чего мы всѣ прошли въ садъ; народу было сравнительно немного, и Владыка съ О. Іоанномъ свободно гуляли и сидѣли въ бесѣдкѣ; все время воспитанницы, какъ пчелки, окружали ихъ и пѣли. Между разговорами Владыка спросилъ О. Іоанна: „почему народъ къ Вамъ такъ стре-

мится; я думаю, не легко Вамъ достается"? На это О. Іоаннъ серьезно и съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ: „*что дѣлать! я человѣкъ грѣшный, но это есть благодать Божія*"; сказавши это, онъ задумался... Вскорѣ былъ поданъ обѣдъ и всѣ пошли въ столовую. Проходя мимо залы, гдѣ находились воспитанницы, О. Іоаннъ спросилъ ихъ: „*О чемъ сегодня читали Евангеліе*"?—„О Марѳѣ и Маріи", отвѣтили онѣ. „*Что дѣлала Марія*"?—слушала слово Божіе и старалась исполнять Его! *а что дѣлала Марѳа?* снова спросилъ онъ;—„тоже слушала слово Божіе и занималась хозяйствомъ"! отвѣчали онѣ ему. „*Такъ вотъ и вы подражайте имъ*", сказалъ Батюшка. По заведенному въ училищѣ порядку въ этотъ день всѣ кончившія курсъ ученицы обѣдали вмѣстѣ съ Архіереемъ, начальницей и ихъ гостями, такъ было и въ этотъ разъ. Обѣдъ былъ сервированъ на 4-хъ столахъ; первую ученицу посадили напротивъ Архіерея, вблизи О. Іоанна, и онъ, замѣтя, что она ничего не ѣстъ, сказалъ; „*что-же вы, милая барышня, ничего не кушаете*"? Она готовится сказать стихи Преосвященному, вотъ и волнуется, отвѣтила за нее начальница, сидѣвшая рядомъ съ нимъ. О. Іоаннъ обратился къ Архіерею и говоритъ: „*Владыко, вотъ барышня озабочена, готовится вамъ стихи сказать и потому ничего не кушаетъ*"! На это Владыка отвѣтилъ: „Ну пусть она избавится отъ своей заботы и говоритъ теперь-же"! Воспитанница С. встала и съ чувствомъ произнесла дѣйствительно прекрасное стихотвореніе:

Преосвященнѣйшій Владыко,
Нашъ пастырь добрый и отецъ!
Прими отъ насъ привѣтъ прощальный,
Привѣтъ признательныхъ сердецъ!

—

Насталъ послѣдній день разлуки
Съ тобой, нашъ пастырь дорогой,
И близокъ часъ, когда предстанемъ
Въ послѣдній разъ мы предъ тобой!

—

Тебѣ приносимъ благодарность
За все, что сдѣлалъ ты для насъ.
Ты далъ намъ всѣмъ образованье,
Отъ тьмы невѣдѣнія спасъ!

—

Ты насъ хранилъ подъ добрымъ кровомъ,
Самъ часто лично посѣщалъ,
За насъ молился предъ престоломъ,
Чтобъ Богъ намъ блага ниспослалъ!

—

Но если были и несчастья,—
Ты насъ и въ нихъ не оставлялъ,
И въ нихъ ты принималъ участье,
И намъ совѣты подавалъ!

—

Учитесь, дѣти, и трудитесь,
Не разъ ты здѣсь намъ говорилъ,
И слово правды въ наши души,
Ты съ кроткой лаской проводилъ.

—

Любовь святую къ намъ питая,
Ты насъ и въ вѣрѣ наставлялъ,
Чтобъ жили такъ, какъ Богъ любви
Своимъ избраннымъ завѣщалъ.

—

Вся наша жизнь въ твоемъ пріютѣ
Текла, какъ тихая волна,
Нашъ умъ стремился здѣсь къ наукѣ,
А сердце—къ знанію добра.

—

Любовь и кротость намъ внушали
Порядки добрые во всемъ,
Ученьемъ умъ нашъ озаряли,
Какъ свѣтлымъ солнечнымъ лучемъ!

—

Дай Богъ, чтобъ все, что здѣсь внушалось,
У насъ осталось навсегда,
И въ нашей жизни сохранялось
Съ обильной жатвою плода.

—

Промчалось время безвозвратно...
Минули мирные шесть лѣтъ.

Теперь всѣ мы должны обратно
Идти, гдѣ ждетъ родныхъ привѣтъ!

—

И въ новой жизни, въ новомъ мірѣ,
Богъ намъ все разное пошлетъ;
И каждая изъ насъ по силѣ
Свой крестъ въ сей жизни понесетъ.

—

Но мы безъ страха, а съ надеждой
Взойдемъ въ безбрежный сей просторъ:
Твоимъ, Отецъ, благословеньемъ
Нашъ входъ здѣсь будетъ осѣненъ!

—

Намъ вѣра въ Бога и ученье
Здѣсь будетъ вѣрный проводникъ,
А трудъ, молитва и смиренье
Все могутъ въ жизни усладить!

—

И такъ должны мы удалиться,
Въ иную жизнь должны вступить;
Съ тобой, Отецъ, должны проститься;
Но намъ тебя не позабыть!

—

Благодаримъ тебя, Владыко,
За всѣ о насъ твои заботы,
Да ниспошлетъ за нихъ Творецъ
И на тебя Свои щедроты!

—

А свѣтлый ангелъ, ангелъ Божій,
Да соблюдетъ тебя всегда,
И жизнь твоя для блага ближнихъ
Пусть длится многіе года!

—

Нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ, наклонивъ голову, слушалъ О. Іоаннъ; онъ какъ-будто боялся проронить хотя одно слово. По окончаніи чтенія, онъ обратился къ говорившей и спросилъ: „*Ну, милая барышня, вы сами сочинили эти стихи*“? „Сама“, отвѣтила она; „*мнѣ они очень понравились, — храните въ вашей душѣ чувства, только что выраженныя вами*“!

При первомъ тостѣ за Государя всѣ почти присутствующіе хоромъ пропѣли „Боже, Царя храни"!... Во время тоста за О. Іоанна одна изъ воспитанницъ отъ лица ихъ всѣхъ искренно благодарила его, что онъ осчастливилъ ихъ праздникъ своимъ присутствіемъ, и желала ему многія лѣта. „*И вамъ всѣмъ желаю многая лѣта и счастія въ новой жизни*"! отвѣтилъ онъ. Послѣ обѣда Батюшка сталъ прощаться со всѣми, тутъ и мнѣ пришлось окончательно съ нимъ проститься. Всѣ ученицы окружили О. Іоанна, стараясь въ послѣдній разъ получить его благословеніе, и усердно просили его помолиться за ихъ родителей и любимаго ими учителя пѣнія, регента архіерейскаго хора, священника М. В., который уже двѣ недѣли лежалъ въ постели, тяжело больной. О. Іоаннъ обѣщалъ имъ самъ навѣстить больнаго, что сейчасъ-же и исполнилъ; изъ училища онъ проѣхалъ въ соборный домъ къ больному; служа молебенъ, онъ молился о его выздоровленіи словами: „*Господи! возставь служителя Твоего, священника, усердно поющаго славу Твою*"! Послѣ этого Батюшка сильно потрепалъ его больную грудь и, ободривъ его, пожелалъ еще много лѣтъ пѣть славу Божію. При громадномъ стеченіи народа О. Іоаннъ уѣхалъ на пароходѣ, какъ мнѣ говорили, сначала къ Угличу, а потомъ въ Саратовъ. 20-го іюня я навѣстила больнаго регента и нашла его хотя слабаго, но на ногахъ уже; 25 іюня случайно встрѣтила я его на улицѣ идущаго пѣшкомъ изъ архіерейскаго дома домой (разстояніе около версты) бодраго и здороваго; онъ мнѣ раньше самъ сказалъ: „я искренно вѣрилъ, что по молитвѣ О. Іоанна, Господь дастъ мнѣ здоровья"; вотъ на немъ и исполнились слова Спасителя: „*по вѣрѣ вашей и будетъ вамъ*"!

2007081241